

ПРОБЛЕМАТИКА СОЦИАЛЬНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ И.-Б. САРАКАЕВА¹

Багаев Зелимхан Ахматович, старший преподаватель, Чеченский государственный педагогический институт, 364037, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Киевская, 33, e-mail: багаевза@mail.ru.

В статье рассматривается проблематика социально-политического очерка чеченского просветителя И.-Б. Саракаева «По трущобам Чечни».

Ключевые слова: внесюжетные элементы, историзм, махаджирство

THE PROBLEMS OF SOCIAL PUBLICISM OF I.-B. SARAKAYEV

Bagaev Zelimkhan A., senior lecturer, Chechen State Pedagogical Institute, 364037, Russia, Chechen Republic, Grozny, 33 Kievskaya st., e-mail: багаевза@mail.ru.

The article discusses the problems of socio-political essay on the Chechen educator Sarakayeva "Slums of Chechnya".

Keywords: wasurenai elements, historicism, muhajirism

Если провести ревизию того, что было создано на протяжении жизненного пути И.-Б. Саракаевым (1883–1934), то вырисовывается мощная фигура чеченского публициста, просветителя и энциклопедиста. Он являлся одним из самых ярких мастеров прозы, знатоком истории, быта, традиций и фольклора чеченского народа. Из-под пера Ибрагим-Бека вышли в свет рассказы и художественные очерки, историко-философские исследования и художественно-документальные работы. Классик чеченской литературы писатель Х. Ошаев писал, что это были «...первые в истории Чечни книги, написанные чеченцем о правдивой и неизвестной жизни чеченского народа» [1, с. 21].

Бесспорно, одним из лучших произведений в творческом наследии И.-Б. Саракаева является изданная во Владикавказе в 1913 году художественно-документальная книга «По трущобам Чечни». Уже по тому, как композиционно построена книга, можно судить о творческой зрелости и мастерстве тридцатилетнего писателя. В лаконичной форме произведения, в скупых и сжатых фразах сконцентрирована вся проблематика горской жизни самого драматического века общекавказской истории. В ней нет ни одного лишнего фрагмента или слова, ни одной избыточной цитаты или апелляции к государственному указу, договору или правовому документу. Писатель не утяжеляет общей стилистики многословием и пространными размышлениями на неактуальные и незлободневные темы. Даже если оценивать «По трущобам Чечни» не с точки зрения общественно-политической значимости, а только как литературно-художественное произведение, то оно совершенно. Из него без ущерба общей композиции ничего невозможно извлечь, в него ничего невозможно добавить. Обращает на себя внимание и подзаголовок книги «(Жгучий и наболевший вопрос)». Если у читателя и могла возникнуть мысль, что это очередной очерк географии Чечни и её самых неисследованных, экзотических районов, то подзаголовок возвращал его в реалии исторической, политической, экономической и административно-правовой проблематики. Естественно, что «жгучий и наболевший вопрос» по-саракаевски – это вопрос о

---

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ (№ 14-04-00465).

земле. «Когда эта злая мачеха – очаровательная красота Кавказа – стала относиться милостивее к своим пасынкам, – пишет И.-Б. Саракаев, – и начала открывать им тайники своих богатств (природные ресурсы), на арену снова выступило стремление к обращению в казну (конфискация) всех горских земель.

Стремление это, основанное на слишком шатком фундаменте, т.е. на том простом основании, что горцы пока ещё не снабжены надлежащими документами, удостоверяющими неотъемлемость прав собственности, дарованных им Императором Александром II на те земли и леса, которые с незапамятных времён принадлежали горцам, нашло себе энергичных сторонников-помощников – различных заявщиков столбопромышленников» [2, с. 26]. Этим коротким фрагментом писатель-провидец, писатель-«правозащитник» громко заявляет, что начинается новая стадия покорения Чечни – экономическая и финансовая. В этой борьбе, чтобы достойно и успешно противостоять армии пришлых и местных буржуа, необходимы грамотные и образованные люди из народа, необходимы знания, широкая сеть школ.

Может быть, не прямо, но исподволь писатель внушает читателям мысль о том, что школьная парта, знание языков, книга, чернила и ручка помогут горцам достичь того, чего не добились их предки и они сами за все годы кровопролитной Кавказской войны. Писатель искренне верит в волшебную силу слов, в их магию. Он не сомневается в том, что именно слово оказалось самым сильным оружием «массового поражения» в арсенале воюющей против наивных горцев кавказской армии. Рассуждения И.-Б. Саракаева о словах – о словах, собранных в листовки, воззвания, обещания и прокламации, – являются узловыми образными элементами, создающими повествовательные связи между условными частями очерка. Например: «Побороть горцев в их неприступных горах и непроходимых лесах – было задачей даже и для могущественной России далеко не из лёгких. Но она, наряду с пушками и мечом, пустила в ход в борьбе с ними ещё и другое оружие, которое имело действие на горцев больше – чем все пушки и штыки. Оружие это – различные прокламации и воззвания, которые сулили горцам чуть ли не золотые горы...»; или: «Шамиль, говорят, боялся этих прокламаций, как огня»; или: «Он знал – какое это сильное оружие и как оно может подействовать на умы легковерных горцев, а потому карал позорной – публичной казнью тех, кто бывал уличен в распространении их... Но прокламации всё же проникали в народ и постепенно уменьшали у горцев энергию борьбы»; или: «Прокламации эти, повторяю, имели решающее значение в деле покорения Кавказа...» [2, с. 5]. Писатель резюмирует всё сказанное в вывод о том, что слова лишили Шамиля горцев, а не отняли у горцев Шамиля.

Тема слов, организованных в связный художественный или не всегда понятный административно-политический текст, – это лейтмотив книги И.-Б. Саракаева. Это сквозная, магистральная тема от её начала и до конца. Неслучайно начало саракаевской работы сопоставимо с лучшими образцами лирических отступлений прозы Гоголя, поэзии Пушкина и Лермонтова. «О Кавказе, – начинает свою книгу писатель, – с глубокой древности сложилась слава – как о стране чудной красоты и неисчерпаемых богатств. Люди, приезжающие сюда впервые, чтобы полюбоваться дивными красотами природы, приходят в неописуемый восторг от волшебных панорам, открывающихся пред их глазами. Колоссы русской поэзии – Пушкин и Лермонтов и другие русские поэты – посвятили немало звонких стихотворений величественной красоте Кавказа... Всё то, что посвящено поэтами и путешественниками Кавказу, рисует в воображении читателя дивный райский край, где нет места терзаниям и нужде, где царит вечный непрерывный праздник...» [2, с. 3]. Какие удивительные метафоры, эпитеты и сравнения находит писатель, обозначая кавказские красоты! Читателю, впервые берущему книгу в руки, может показаться, что пронизанный ли-

ризмом образ Кавказа – этот дивный райский сад, эти «луга золота и рудники драгоценных камней», эта обретенная новая российская Аркадия (ведь в ней «царит вечный непрерывный праздник») – задаст тон всей архитектонике книги, особенно в её сюжетобразующей составляющей.

Но романтический кавказский ореол рассеивается писателем так же внезапно, как и начинается: «...Не ласкова она, эта красота, к человеку. Эта – мачеха, какая – то, злая, беспощадная, не знающая жалости сострадания, – приводит И.-Б. Саракаев слова Цаголова из книги "Край беспросветной нужды", – и уже от себя продолжает, – и точно, не красно здесь живётся пасынкам судьбы; потоками их собственной крови обильно орошена эта красота гор, а сколько жгучих – горьких слёз пролито и проливается...» [2, с. 4].

Писатель не ограничивает себя периметром одного лишь только, пусть и самого актуального, земельного вопроса. По ходу развития основного сюжета И.-Б. Саракаев вводит разрывающие его внесюжетные элементы. К примеру, махаджирство – изображение трагической участи обманутых царской администрацией и в поисках «земли обетованной» отправившихся в Турцию горцев. Он говорит: «...не было приготовлено ничего для приёма переселенцев. Они болели, голодали и умирали массами. Земли, отведённые им, оказались никуда не годными – песком и камнем. Испытывая страшные бедствия, Чеченцы повернули обратно к русской границе... Но Чеченцев прогнали от границы выстрелами. Мало того, по требованию русского правительства, турки отправили против Чеченцев войска, которые ружейным и артиллерийским огнем погнали их... Из 22, 000 слишком Чеченцев – переселенцев через каких-нибудь 5–6 лет осталось только тысяч десять, остальные перемерли» [2, с. 18].

Ибрагим-Бек понимал, что поиски счастья вдали от родины будут приводить к новым трагедиям и поэтому активно включился в борьбу за переустройство жизни в России. До начала Первой мировой войны талантливый писатель и публицист сотрудничает с несколькими региональными изданиями. Он пишет статьи по национальным, земельным и образовательным вопросам, ему доверяют редактирование изданий периодической печати. Он знакомится и набирается жизненного и литературного опыта у классиков грузинской литературы – Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Важи Пшавели. Как губка впитывает Саракаев гуманистический потенциал русской литературы, любовь и верность к которой он пронёс через всю свою жизнь. Искренне веря в романтические революционные идеалы и являясь подлинным интернационалистом, писатель включился в революционную борьбу за счастье всех народов Российской империи. Связывая счастливое будущее своего народа с Россией, в минуту опасности он добровольцем уходит на фронт в качестве всадника знаменитой «Дикой дивизии», где «...за мужество и смекалку, проявленные в боях на юго-западном фронте, Ибрагим-Бек Саракаев был произведён в офицеры, дослужился до чина подполковника... офицера свиты и адъютанта великого князя Михаила Александровича. За отвагу был награждён орденами Святого Георгия 4 степени и Святой Анны 2 степени с мечами» [1, с. 23–24].

Список литературы

1. Кусаев А. Писатели Чечни: Проза / А. Кусаев. – Грозный, 2005.
2. Саракаев И.-Б. «По трущобам Чечни» (Жгучий и наболевший вопрос) / И.-Б. Саракаев. – Владикавказ, 1913.

References

1. Kusaev A. Pisateli Chechni: Proza. Groznyj, 2005.
2. Sarakaev I-B. «Po trushhobam Chechni» (Zhguchij i nabolevshij vopros). Vladikavkaz, 1913.